

Черные ресницы отбрасывали тень, очерчивая резкий контур носа. Когда он не улыбался, черты лица казались холодными.

Пальцы трижды стукнули по столу. Ся Цинцы стоял на месте и позвал:

— Се Бинмянь.

Он взглянул на рабочую тетрадь — вся была исписана. Беглого взгляда хватило, чтобы понять — видно ли, писал ли он серьезно. От оклика Се Бинмянь пошевелил пальцами и быстро открыл глаза. Встретившись взглядом с этими черными, глубокими глазами, Ся Цинцы на миг почувствовал холод, но быстро вернулся в обычное состояние, эмоции в глазах скрылись.

— Староста, ты закончил работу?

Се Бинмянь встал:

— Я провожу тебя домой.

Не зная, что на него сегодня нашло, Ся Цинцы вышел из чайной и только тогда заговорил:

— Можешь возвращаться, мне не нужен провожатый.

Он не девушка, ночью одной идти домой может быть небезопасно, да и их отношения не настолько хорошие.

— Твою тетрадь я могу посмотреть в понедельник, или пришли мне, я отвечу, когда будет время.

Ся Цинцы держал чай, который Сяо Чэн дала ему в конце смены. Он собирался отнести отцу, хотя, возможно, тот не любит такие вещи, считая их вредными.

— Староста, я ждал тебя так долго, а ты даже не хочешь побыть со мной немного, — голос Се Бинмяня был расслабленным, слова звучали небрежно.

Но те, кто знал Се Бинмяня, понимали, что это значило сильное недовольство. К сожалению, Ся Цинцы не знал и не заботился, злится ли Се Бинмянь. Он его не просил приходить, тот пришел и только мешал, действительно странно и безосновательно.

— В следующий раз не приходи, — серьезно сказал Ся Цинцы. — Я занят, времени на тебя нет.

Ся Цинцы ушел, не оборачиваясь, оставив Се Бинмяня на месте. Се Бинмянь смотрел, как тот уходит, и в глазах разливалась глубокая, мрачная эмоция.

*

— Что ты сказал?

Цзян Е с легкой улыбкой смотрел на Се Бинмяня, тон был не очень добрым, с насмешкой.

— Второй брат, ты говоришь, что ждал его весь день на его работе, и тебе кажется это мучением? Если мучение, тебе не надо было там торчать, возможно, ты и не так уж сильно его любишь.

— Не кажется мучением, — Се Бинмянь сидел на диване, рядом лежала гитара, но сейчас он

явно не был настроен её трогать. — Я могу его видеть, мне не скучно, но он почти не реагирует на меня, — в голосе Се Бинмянь не было эмоций, он говорил небрежно. — Почти не смотрит на меня, наверное, для него жемчужный чай милее, чем я.

— Ха-ха-ха-ха-ха, — Лу Сяолу рассмеялся, он вытирал свои барабаны, движение остановилось, мембрана дрожала.

— Вот и случай, когда второй брат бессилен, — Лу Сяолу не выдержал. — Это тот красавчик, который приходил в прошлый раз? Выглядит действительно недоступным.

— Но ты сам пошел на его работу искать присутствия, так что будь готов к холодному приему. Ты злишься из-за времени, потраченного на ожидание, или из-за того, что он к тебе не тепло?

Цзян Е потирал механическую ось, губы искривились в улыбке:

— Скорее второе. У второго брата такой извращенный характер, наверное, злится, что тот ему не рад.

— Он объяснял мне задачи, — Се Бинмянь проигнорировал насмешки этих двоих, подумал и сказал. — Относился очень вежливо, словно боялся обидеть. Раньше еще готов был притворяться, теперь делает это все более небрежно.

— Разве это не хорошо? — Цзян Е закурил, на губах была улыбка. — Ты снимаешь с него скорлупу, так мало-помалу приближаешься. Сделать так, чтобы он перестал перед тобой притворяться — хорошо.

Се Бинмянь вспомнил, что даже перестав притворяться, тот на самом деле оставался холодным, сам по себе не изменился. Раньше не любил его в душе, теперь прямо на поверхности.

— Не думай много, он все же готов объяснять тебе задачи, значит, не так сильно тебя ненавидит.

— Да, — Лу Сяолу поддержал. — Цени, второй брат, ведь тех, кто тебя так недолюбливает, наверное, больше нет.

Се Бинмянь слушал с каменным лицом, губы слегка дернулись вверх:

— Объясняет задачи только потому, что не может отвязаться. Если бы мог избавиться, то наверное...

Оставшееся он не договорил, смысл был понятен.

— Значит, планируешь сдать? — Цзян Е рассмеялся. — Всего несколько дней, это, наверное, просто новизна.

Услышав «новизна», Се Бинмянь приподнял бровь и легонько фыркнул:

— Конечно нет, — Се Бинмянь. — Я вам говорю это, чтобы спросить, есть ли у вас хорошие идеи.

Се Бинмянь сказал небрежно:

— Как сделать так, чтобы он меня так сильно не ненавидел.

У него никогда не было такого понятия, как новизна. Либо интерес постоянный, либо никакого интереса. Как с музыкой — прошло больше десяти лет, а он все еще любит. Как с учебой — прошло больше десяти лет, а он все еще не интересуется.

— Не думал, что однажды услышу это из твоих уст, — Цзян Е смеялся, убрал сигарету в сторону. — Второй брат, о какой ненависти ты говоришь? Хочешь контролировать его эмоции, чтобы он не мог без тебя?

Се Бинмянь не подтвердил и не отрицал, пальцы поглаживали экран телефона, он опустил глаза, смотрел на парня на экране, вспоминая, как тот смотрел на него раньше. Слишком холодно, без волн, он хотел, чтобы в этих глазах был только он, горячая покорность ему.

Лу Сяолу издал звук:

— Ого, второй брат такой извращенец. Ты влюбляешься, и это так выглядит? Бедному красавчику не повезло, попал к тебе, от тебя теперь не избавиться.

— Это не так уж сложно, ты сталкиваешь его на дно, потом вытаскиваешь, и он видит только тебя, — в глазах Цзян Е исчезла улыбка, он повернул голову. — Но, второй брат, ты готов столкнуть его?

— Ты готов столкнуть его?

Се Бинмянь не ответил на этот вопрос. Когда тот ушел, Лу Сяолу отвел взгляд и только тогда заговорил:

— Зачем ты ему так сказал? Если второй брат реально сделает? Им двоим тогда конец.

— Не сам ли он этого хочет? — Цзян Е улыбнулся. — Кто любит человека, чтобы полностью контролировать его? Он еще не понял, чего сам хочет.

— Я надеюсь, второй брат разорется однажды, чтобы научиться любить.

Ведь любовь никогда не бывает контролем.

*

Ся Цинцы нес домой свой жемчужный чай, подарок управляющего. Сам он еще не покупал чай в магазине, брал комнатной температуры, с довольно много сахара. Его отец любил сладкое.

Дома в комнате еще горел свет. Ся Цинцы постучал в дверь комнаты отца, ответа не было. Ему стало интересно, что отец делает в комнате, и он просто толкнул дверь. Комната отца была обставлена примерно так же, как и его. Ся Гоань сидел на краю кровати, в руках держал фотографию, на которой угадывалась женщина в белом платье. Женщина была нежной, с тремя частями схожа с ним чертами. Это была его мать.

Ся Гоань услышал шум и поднял голову, исходящая мягкость исчезла, он посмотрел на голову, просунувшуюся в дверь, и рассмеялся от смешанных чувств:

— Вернулся и не подал голоса.

— Я стучал, — медленно сказал Ся Цинцы. — Ты не ответил.

Он вошел и поставил жемчужный чай на тумбочку. Большой стакан чая, внутри виднелись

черные жемчужины, рядом лежала бумажная трубочка.

— Это от хозяина, ты любишь сладкое, на, выпей.

Ся Цинцы боялся, что отец не сможет проткнуть крышку, заботливо проткнул её трубочкой:

— Выпей скорее, а то ночью трудно уснуть.

— Оставь себе, уноси, уноси, — Ся Гоань. — Я не люблю такие вещи.

— Ты даже не попробовал, — Ся Цинцы был недоволен. — Хотя бы глоток.

— Я же пробовал, — Ся Гоань был немного беспомощен. — Забирай сам, это любят только дети.

Ся Цинцы подумал, что отец прав, он сам не любил такую приторную дрянь. Но выбрасывать нельзя. Поэтому не могущий выбросить он выпил целый стакан чая, и ночью страдал бессонницей. Вечером он ворочался в кровати, не мог уснуть, утром снова рано встал и был занят весь день, в понедельник надо было рано вставать, и когда он шел в школу, сил не было. У входа в школу он случайно столкнулся с кем-то, тихо извинился, тот ответил «ничего», и люди продолжили свой разговор.

<http://bllate.org/book/16896/1566659>